

САМЫЙ ТРУДНЫЙ ЗРИТЕЛЬ

Диалог о проблемах и поисках Театра юного зрителя

Этот театр справедливее было бы назвать Театром Детства, Отрочества и Юности. Ребенком приходит сюда человек, а расстается с ним уже не мальчиком, но мужем. Вместе с тем считается, что нет благодарнее зрителей, чем дети. Они принимают волшебный мир театра так же жадно и доверчиво, как и окружающий мир. Казалось бы, этот зритель должен доставлять меньше всего хлопот театру...

— Только на первый взгляд, — отвечает мой собеседник главный режиссер Ленинградского театра юного зрителя, народный артист РСФСР З. Я. Корогодский. — Да, он отзывчив и благодарен. Но именно его доброта, снисходительность, если хотите, убаюкивают, снижают требовательность, ведут нас к привычному, а застой — первый враг творчества. У ребенка пяти — восьми лет два непререкаемых авторитета — школа и родители, потому он еще пассивен, он не может влиять на театр. Только мы несем ответственность за уровень того, что предлагает ему театр. И часто тут нам мешает инерция взрослых: «Этого они не поймут». Но попробуйте ответить только честно, чего «такого-этого» они не поймут, и тут же попадете в тупик. Смущает условный язык театра? Но именно этот зритель легко отзывывается на любую условность. Достаточно найти выразительную деталь, и фантазия ребенка дорисует остальное. Поэтому нужно уметь, а главное, смелее использовать способность детей быть соучастниками творчества, надо будить в ребенке художника. Театр прежде всего образует чувства зрителя, обогащает эмоциональный опыт, совершенствует ду-

шевный строй. Принято считать, что репертуар для младших — сказка. Она дает ребенку первые уроки любви и ненависти, добра и зла.

Но почему, собственно, мы решили, что только сказка нужна для младшего зрителя? Ни у кого не вызывает сомнения, что дети очень изменились: больше видят, больше знают и способны больше понять. Безусловно, прав Виктор Розов, когда говорит, что «надо начинать забывать теорию, по которой выходит, что дети глупее взрослых». Следовательно, можно и нужно приучать ребенка думать, оценивать, делать самостоятельные выводы еще в раннем возрасте. Только в таком случае он естественно подготовится к более сложному и серьезному разговору, который ждет его в Театре Отрочества.

— В детстве все мы стремились скорее повзрослеть, перейти границу страны запретов, где ничего нельзя без разрешения было сделать. Многим из нас так часто не хватало понимания, поддержки, уважения. Почему же, переступив заветную черту, мы забываем эти уроки, всею горькие в некоторых случаях. Мне кажется очень важным, Зиновий Яковлевич, не

упустить момент, когда наши дети перестают верить нам на слово.

— Путь, по которому наши дети идут из детства в отрочество, — это расклевывающийся из стороны в сторону мост над бурной рекой. Это время, когда чаще всего дает трещину союз ребенок — родители. Происходит это не от нашего невнимания, а от чувства обманчивой самостоятельности, которую будто бы приобретают со временем наши дети. Теперь их уже не надо водить за ручку, они сами одеваются, сами выбирают книги, сами находят себе друзей. И мы постепенно привыкаем к такой ситуации, а подросток все отделяется от нас, погружаясь в свой собственный, раздраемый противоречиями внутренний мир. В это время ему крайне необходим духовный наставник. Мы, взрослые, часто этого не учтем, я говорю здесь и про театр. И совершаем непростительную ошибку. Многолетняя практика доказала, что возраст от десяти до пятнадцати лет — самый плодотворный. В это время закладывается фундамент, на котором в дальнейшем будет строиться все здание жизни.

Подросток — наш самый массовый, но и самый трудный зритель. Знать его — наша профессиональная обязанность. И вот тут мы не всегда бываем на высоте. Мешает утилитарный, упрощенный подход к задачам театра. «Нужная» тема еще не делает искусства, важно, как эта тема решена, какими средствами. В Театре Отрочества

мы часто дальше темы не идем, наверное, опять-таки из-за неверия в духовные возможности детей, полагая, что им не до тонкостей большого искусства.

Увлечь подростка становится все труднее. А мы в спектаклях для подростка перестаем быть серьезными, тонкими, искренними. Идем на компромиссы, лишь бы угодить, привлечь, позабыть. Доверие подростка не завоеуешь сюсюканьем и захваливанием. Он хочет, чтобы любой разговор вели с ним как с равным. Но многие ли писатели, работающие для детского театра, обладают столь чутким пером?

К сожалению, драматургов, чьи пьесы разительно отличаются от милых, назидательных историй, в изобилии предлагаемых театру, можно пересчитать по пальцам.

Еще один важный вопрос. Надо научиться передавать наши идеалы и ценности на языке, понятном и близком школьникам. Мы хотим воспитать в юном зрителе патриотизм, гражданственность. Пробудить в них желание стать похожими в мыслях и поступках на положительного сценического героя. Но нельзя забывать, что такие вещи не транслируются напрямую на этот возраст. Нужны особые методические пути, и один из них весьма эффективный — театр.

И опять — свои барьеры. В первых, нельзя забывать о той перенасыщенной информационной среде, которая сегодня окружает подростка. Это и телевидение, и радио, и вокально-инструментальные ансамбли, и спортивные состязания.

Второй барьер. Ни один детский театр не рискнет обратиться к зрителю со спектаклем «Юнона и Авось». Позвольте спросить: почему? С моей точки зрения, это типичный подростковый спектакль. В нем пробуждаются категории нравственные, но через близкий подросткам жанр мюзикла. Так почему же тогда? Правильно вы угадали — он про любовь. Опять вот оно — недоверие к подростку. Вспомните Пушкина. Забрался же он тайком в библиотеку своего дяди... А если каждый из нас, положив руку на сердце, вспомнит, где он получил информацию, так называемую «запретную»? Либо это делает улица, либо книги, либо что-то услышал от старшего друга. Так лучше уж, если ему это скажет театр.

В этом проблема специализации детского театра.

— Зиновий Яковлевич, часто приходится слышать, что ребята лучше запоминают те спектакли, на которые они ходят одни или с родителями. А коллективное посещение оставляет в памяти чаще всего атмосферу зрительного зала: хихиканье, шуршание разворачиваемых шоколадок и угрожающий шепот учителей...

— Всегда с завистью смотрю на ребят, пришедших в филармонию или на концерт не принудительно, не на «мероприятие», а по своему выбору. Не исключаю, что выбор подсказан взрослыми. Но почему здесь дети, затаив дыхание, не отрывают взгляда от подмостков? Да потому, что подросток в этом случае один на один с искус-

ством. Как же сохранить глубинное воздействие, могущество эмоционального влияния на его душу, когда он пришел с коллективом? Вот проблема, наш театр — детский и вынужден жить в ситуации коллективного восприятия спектакля.

Если бы подросток в театре оказался наедине с искусством, то ему можно было бы показывать многое из того, что сейчас принято считать «недозволенным». Опять почему? Прав же был А. Макаренко, когда утверждал на основе своего педагогического опыта, что с юным человеком можно говорить обо всем, только с учетом, где, когда и кто говорит. В двенадцать лет я смотрел в Новосибирском ТЮЗе «Ромео и Джульетту». То грандиозное, ошеломляющее впечатление помню до сих пор. Возможно, не все я тогда был в состоянии понять, но сполна получил то, что влечет подростка в театр: познание окружающего мира, ответы на вопросы, которые взрослому чаще всего задать постесняешься.

— Вы предлагаете совсем стереть возрастную грань?

— Ни в коем случае. Если весь зал заполнят, например, двенадцатилетние зрители, никакого «Ромео и Джульетты» не будет. Такую ситуацию в зале мы называем большой переменной. Когда гораздо интереснее все происходящее в зале вокруг тебя, чем события на сцене. Мы мечтаем о так называемой филармонической ситуации. Когда рядом с седовласым стариком сидит мальчишка, замороженный музыкой Баха.

У себя в театре мы практически достигли такой ситуации. У нас на многих спектаклях зал смешанный. Для этого мы создали специальную систему абонементов совместного посеще-

ния театра родителей и детей. Репертуар составлен так, чтобы зрителям разных возрастов было интересно. Например, «Мамаша Кураж» Б. Брехта вызовет вопросы у подростков — но это не беда, рядом взрослый, который поможет их понять. А триптих «Наш Чуковский» поставлен в жанре балета, оперы и оперетты. Для детей это не только веселый спектакль по любимым стихам, но и первое знакомство с разными жанрами искусства. Как ни странно, но и взрослые смотрят «Чуковского» с удовольствием.

— Когда в двадцатые годы создавались первые ТЮЗы, их называли театрами особого назначения. С тех пор минуло шестьдесят лет. В чем же сегодня «особое назначение» детского театра?

— Я задаю себе этот вопрос постоянно. Пытаюсь сформулировать происходящие перемены. Безусловно для меня пока два момента. Мы должны воспитывать талантливого зрителя. Тонкого, чутко реагирующего, мыслящего. Такого, который, повзрослев, предъявит высокие требования к искусству. В второе. Необходим союз школы и театра. О том, как вернее достигнуть этого, у нас состоялся недавно интересный и очень полезный разговор, в котором участвовали и наши коллеги из других ленинградских театров, и критики... И, наконец, вечная, неизменная задача — театр обязан быть, как учитель, чутким и внимательным к своим воспитанникам, должен разделять их радости и огорчения и, не теряя достоинства взрослого, вести с ними разговор на равных.

Вела беседу
М. НЕВЗОРОВА.